

ИСЛАМ: АМЕРИКАНСКАЯ ВЕРСИЯ¹

Л. Лоуренс

Слушая рассказ иммиграционного адвоката Муны Джонди (Muna Jondy) о детстве, которое она провела в городе Флинт, штат Мичиган, мы можем отчетливо представить себе, как она, будучи подростком, горячо спорит со своими родителями, выходящими из Сирии, отстаивая свою всеамериканскую точку зрения. Крохотная женщина с волевым, выразительным лицом, она сидит на своем диване, скрестив ноги и слегка наклонясь вперед, и вспоминает тот день, когда она, 13-летняя девочка, захотела сходить со своими подругами в кино.

По словам г-жи Джонди, ее мать, истовая мусульманка, ответила ей так, будто девочка «попросила у нее дозу кокаина». Она сначала не поверила своим ушам и переспросила Джонди: «Ты точно хотела спросить именно это? Ты сказала это вслух?»

В то время Джонди уже носила платок, чтобы прикрывать волосы. Она никогда не подвергала сомнениям пищевые ограничения, существовавшие в ее семье. Она искренне молилась и постилась в Рамадан. Но почему она не могла сходить со своими подругами в кино? Она выкрикнула в ответ: «Правда! Разве арабские или мусульманские обычаи это запрещают?»

Ее мать ответила, что в кино ходят «только бездельники».

«Возможно, так оно и было на Ближнем Востоке во времена твоей молодости», — подумала Джонди.

Возможно, по национальности она арабка, «но это никак меня не характеризует», думала Джонди про себя. И с тех пор она стала разделять убеждения своей семьи на культурные ожидания и религиозные установки.

В этом смысле Джонди очень похожа на представителей самой крупной и стремительно растущей демографической группы — на 59% американских мусульман в возрасте от 18 до 39 лет. Сюда входят многие из тех, кто достиг совершеннолетия, живя в США, и кто в культурном отношении является таким же американцем, как и те 37% взрослых мусульман, которые, подобно Джонди, в свою очередь уже растят рожденных в Америке детей.

Тем не менее, отношение к мусульманам как к «чужакам» — опасным и подозрительным чужа-

кам, если хотите — до сих пор широко распространено, чему способствовала трагедия 11 сентября. Одна из причин такого отношения заключается в том, что большинство американцев практически ничего не знает об исламе, и в большинстве случаев они лично не знакомы ни с одним мусульманином. Когда они знакомятся с мусульманином или узнают больше об исламе, все стереотипы исчезают, обнажая перед их взорами разнообразную и динамичную группу населения, которая делает то, что американцы делали всегда: они пытаются понять, как им быть собой.

«ПРИЧУДЛИВО НОРМАЛЬНЫЕ»

Жизнерадостная и общительная, Фатима Попал (Fatimah Popal) не считала общественную деятельность обременительным занятием, когда она училась в школе. Ей нравилось разносить еду в местном доме престарелых, организовывать межконфессиональные программы и собирать мусор в парках.

Но после «ужасных терактов 11 сентября» ее хиджаб не просто выделял ее как чужака среди ее преимущественно христианских соседей в одном из сельских районов Пенсильвании. Он делал г-жу Попал, которая тогда училась в старших классах школы, подозреваемой. «Ты — жена бен Ладена?» — подшучивали над ней одноклассники.

Эта оскорбительная шутка была довольно незначительным и единичным происшествием, однако она стала признаком отчуждения. И, согласно статистике, подобные или еще более агрессивные проявления исламофобии до сих пор имеют место и зачастую подпитываются вылазками мусульманских экстремистов, использующих радикальные трактовки исламских священных книг в качестве оправдания для убийства американцев, которых они называют врагами. Среди них есть те, кто родился в США, такие, как Нидал Малик Хасан (Nidal Malik Hasan), армейский психиатр, который в 2009 году открыл огонь на военной базе Форт Худ, штат Техас, в результате чего 12 человек погибли и еще 31 человек получил ранения. Экстремисты всего мира считают этих людей героями. А большинство таких мусульман, как Попал, считают их просто «чокнутыми».

Согласно результатам опроса Gallup, проведенного в 2010 году, 89% мусульман, живущих

¹ Источник: <http://www.csmonitor.com/USA/Society/2014/0216/Islam-the-American-way/%28page%29/3>

в США, считают, что отдельные люди или небольшие группировки не имеют права преследовать и убивать мирных граждан — для сравнения, среди протестантов и католиков такой ответ дали 71% опрошенных. Мусульмане гораздо реже остальных отвечали, что подобные акты «порой могут иметь определенное оправдание» — среди мусульман таких людей оказалось всего 11% по сравнению с 27% католиков и 26% протестантов.

Тем не менее, стереотипный образ мусульман как жестоких экстремистов продолжает жить, говорит Махмуд Абдель-Басет (Mahmoud Abdel-Baset) из Исламского центра Южной Калифорнии, потому что всех завораживает «неистовая природа тех поступков, на которые идут террористы. Когда вы смотрите новости, самым запоминающимся становится то, что шокирует».

Одна из причин заключается в том, что это хорошо продается. Вспомните об успехе сериала «Чужой среди своих» («Homeland») на канале Showtime, в котором речь идет о том, как исламские экстремисты разрабатывают план по уничтожению американцев. Его полной противоположностью стало реалити-шоу All-American Muslim, в ходе которого пять семей пытаются справиться с самыми различными повседневными ситуациями. Фуад Забан (Fouad Zaban) учит членов своей школьной футбольной команды, как нужно сохранять хорошую форму в период Рамадана, когда большая часть ее игроков соблюдает пост (ответ: тренируйтесь после заката). Семья Амен не может прийти к единому мнению о том, стоит ли незамужней Сухаиле строить свою карьеру вдали от дома, а стильная Нина Баззи (Nina Bazzi) вслух мечтает о том, чтобы открыть свой собственный ночной клуб. Это реалити-шоу выдержало всего один сезон: так случилось отчасти потому, что его персонажи, как сказал один из репортеров New York Times, выглядят «причудливо нормальными».

В ходе опроса, проведенного исследовательским центром Pew в 2011 году, выяснилось, что мусульмане не слишком сильно отличаются от обычных американцев. Они, как правило, несколько моложе, они реже разводятся и придерживаются более консервативных взглядов в таких вопросах, как, к примеру, гомосексуальность. Но в целом, как показывает статистика Pew, от 2,75 до 7 миллионов мусульман копируют тенденции и черты, характерные для американцев в целом:

55% мусульман состоят в браке, так же как и 54% американского населения в целом.

26% мусульман имеют научную степень, так же как и 28% американского населения.

20% мусульман, как и 17% всех американцев, имеют свой небольшой бизнес.

Вкусы американских мусульман практически не отличаются от вкусов американского населения в целом в таких вопросах, как просмотр телепрограмм (58% мусульман и 62% всего населения), занятия спортом (48% мусульман и 47% американцев в целом) и видеоигры (18% и 19% соответственно).

90% мусульман, проживающих в США, согласны с тем, что женщины должны иметь возможность работать вне дома, а 68% полагают, что в сфере политики пол человека не имеет значения (так считают 97% и 72% американских граждан в целом).

47% мусульман еженедельно посещают мечети, подобно 45% христиан, которые каждую неделю ходят в церкви, и большинство мусульман (63%) и христиан (64%) не видят никаких противоречий в том, чтобы быть истинно религиозным человеком и жить в современном обществе.

35% мусульман наряду с 30% христиан считают, что их религия — это единственно верный путь. Эта цифра несколько выше среди мусульман, рожденных в США (38%), но существенно ниже, чем в случае с христианами-евангелистами (51%).

49% мусульман отождествляют себя в первую очередь со своей верой, а не национальностью, так же как и 46% христиан.

Более того, мусульмане сегодня получают самые разные профессии — от врачей до программистов, от бакалейщиков до водителей такси, от инженеров до предпринимателей. Этнически они могут быть арабами, африканцами, азиатами, afroамериканцами, латиноамериканцами и европейцами. Хотя большинство из них — сунниты (65%) и шииты (11%), различные секты и школы ислама внутри и за пределами этих ветвей могут быть настолько же ярко выраженными, как и, к примеру, южные баптисты.

Совершенно очевидно то, что и степень религиозности тоже может различаться. В ходе своего исследования «Американские мусульманские женщины в кампусе: социальная жизнь и идентичность студенток» (Muslim American Women on Campus: Undergraduate Social Life and Identity) антрополог Шабана Мир (Shabana Mir) обнаружила, что среди членов Мусульманской студенческой ассоциации есть как чрезвычайно набожные мусульманки, так и девушки, которые употребляют алкоголь, ходят в клубы и встречаются с парнями. Многие не слишком набожные мусульмане постятся в Рамадан и отмечают праздник Ураза Байрам, так же, как и нерелигиозные евреи принимают участие в празднике еврейской пасхи.

РАЗНООБРАЗИЕ В ЕГО АМЕРИКАНСКОЙ ВЕРСИИ

Разнообразие — это характерная черта Америки.

«Единственное, что объединяет всех американцев — это их гражданство», — считает Абдулла Ан-Наим (Abdullahi An-Naim), автор книги «Кто такой американский мусульманин?» (What is an American Muslim?) Г-н Наим, профессор школы права в Атланте, утверждает, что сейчас у него гораздо больше общего с его либеральными коллегами, чем с мусульманскими иммигрантами из Сомали.

Прежде афроамериканские мусульмане были «в большей степени озабочены вопросами гражданских свобод, прав меньшинств и так далее», говорит политический стратег из Республиканской партии Мохаммед Ало (Mohammed Alo). Кроме того, мусульманские иммигранты уделяли больше внимания внешней политике.

Однако теперь, когда родившиеся в Америке дети иммигрантов подвергаются дискриминации, они все чаще находят общие темы со своими афроамериканскими сверстниками. И поскольку обе эти группы живут со своими семьями в единственном доме, который им известен, они хотят видеть более качественное образование, инфраструктуру, справедливые налоги — «то есть то же самое, чего хотят все американцы», как говорит г-н Ало.

Поэтому причины беспокойства Насрин Рахман (Nasrin Rahman), уроженки Бангладеш, которая прожила в Балтиморе 30 лет, совпадают с причинами беспокойства афроамериканки Македы Абдулла (Makéda Abdullah). Они никогда не видели друг друга, но они практически дословно повторяют друг друга, рассказывая о том, как им приходится растить дочерей в условиях культуры, где встречи с парнями и майки без рукавов — абсолютно неприемлемые для обеих — являются нормой.

Сегодня только одна из дочерей г-жи Рахман носит хиджаб, а вторая, подобно дочери г-жи Абдулла, решила его не надевать.

«Это дело, касающееся ее и бога», — говорит г-жа Рахман.

Но обе матери утверждают, что они никогда не станут заставлять своих дочерей надевать хиджаб — по крайней мере, пока те «идут по прямому пути».

ХИДЖАБ КАК ЛАКМУСОВАЯ БУМАЖКА

Это не всегда легко, и определение того, что, в сущности, является прямым путем в исламе,

в конечном счете глубоко индивидуально. Когда шеф-повар Исмаил Самад (Ismail Samad) переехал из родного Кливленда в город Путни, к примеру, ему пришлось долго думать над тем, как ему собрать деньги на открытие своего ресторана. Сын афроамериканцев, обращенных в ислам, он считает себя «стопроцентным мусульманином» и принимает все свои решения в соответствии со своей верой. «У нас есть книга, — говорит он, имея в виду Коран. — Это лучшее руководство».

Но подобно всем священным книгам, Коран допускает различные толкования. Некоторые ученые мужи ислама полагают, что вполне допустимо платить проценты по кредиту, но недопустимо их брать. Некоторые считают, что Коран осуждает только ростовщические практики, а другие уверены, что он запрещает любые действия, подразумевающие выплату процентов.

После долгих размышлений г-н Самад принял сторону последних. Поэтому он не стал брать кредит в банке. Вместо этого он обнаружил «поддерживаемую общественностью модель ресторана, которая соответствовала моим убеждениям», — говорит он. Он владеет рестораном The Gleanery вместе с двумя партнерами-немусульманами, которые настаивают на том, чтобы он принимал к оплате кредитные карты. И каждый раз, делая это, Самад просит у бога прощения.

Во всех остальных отношениях его ресторан вполне вписывается в его понимание ислама. «Мои партнеры подсчитали, что мы можем получать на треть больше прибыли с каждого счета, если начнем продавать алкогольные напитки», — говорит он. Но они согласились на политику «Входа со своими напитками», и Самад отдает им выручку, полученную благодаря этому нововведению, «чтобы в моей доле не было денег, заработанных на такого рода продажах».

Кроме того, в меню его ресторана нет свинины: там подают только мясо-халяль, а также излишки производства с соседних ферм, которые сотрудники его ресторана перерабатывают и упаковывают. «Ключевой принцип ислама, — объясняет он, — заключается в том, чтобы не тратить еду понапрасну».

Его родители, живущие в Кливленде, очень гордятся достижениями сына, но они не во всем с ним согласны. К примеру, Самад не приезжает к ним на День благодарения. Он также верит, что пророк учил своих последователей праздновать только праздник Ураза Байрам, знаменующий собой конец Рамадана, и ежегодно совершать паломничество в Мекку.

Джонди, адвокат из Детройта, тоже со временем пришла к несколько иным выводам, чем ее братья и сестры. Будучи общественной активисткой и неутомимым волонтером во Флинте, старшая сестра Джонди носит хиджаб и никогда не обменивается рукопожатиями с мужчинами, придерживаясь мусульманского правила о том, что нельзя прикасаться к человеку, с которым вы можете вступить в законный брак. Между тем, сама Джонди признается, что чувствовала бы себя крайне неудобно, если бы ей пришлось выступать перед судьей в длинном хиджабе.

«Я не спорю с тем, что хиджаб подчеркивает скромность женщины,— говорит она,— но ислам не требует от нас, чтобы мы выглядели чужаками». Поэтому Джонди прикрывает волосы коротким платком, но при этом надевает традиционные деловые костюмы. Она также обменивается рукопожатиями с мужчинами. С ее точки зрения, если она откажется пожать протянутую руку, это станет довольно обидным сигналом, что, как она считает, противоречит исламу. Но она никогда не обнимается с мужчинами, показывая жестами, что она предпочитает этого не делать.

Перед Хамданом Азхаром (Hamdan Azhar) стоит несколько иной выбор. Ему 26 лет, он работает на Манхэттене и с его короткой бородкой и модными очками выглядит как один из завсегдатаев популярных кофеен в нью-йоркском Сохо. По его словам, в колледже он «гораздо усерднее соблюдал правила и обряды», нередко оставаясь единственным трезвым участником вечеринок в кампусе.

Сегодня он является специалистом по статистике, однако он еще ведет свой блог и пишет статьи для печатных изданий и радио. Он является активным членом сообщества Мусульманских молодых профессионалов (Muslim Young Professionals), а также мусульманских хипстеров. Так как он ведет себя, если сегодня его друзья и коллеги зовут его в бар? Он идет с ними. «Но, добавляет он,— я не пью алкоголь. У всех нас есть черта, которую мы не пересекаем».

Поскольку внешне г-н Азхар ничем не отличается от других, окружающие его люди думают, что он просто не любит спиртное. Однако женщины, которые покрывают голову платком, сразу бросаются в глаза. Когда Сара Али (Sarah Ali) встречается со своими коллегами, с которыми она прежде общалась только по телефону или электронной почте, они, как правило, очень удивляются. Г-жа Али, родившаяся в Техасе и выросшая в Сент-Луисе, откровенно говорит то, что думает, и искренне смеется, порой получая большое удовольствие от того, какое впечатление она производит. «Вы Сара?» — восклицают коллеги, видимо, не ожидая увидеть женщину с платком на голове.

Будучи экономистом в Министерстве сельского хозяйства США, Али тоже довольно часто приходилось удивляться после того, как она переехала на Восточное побережье. На одной из профессиональных встреч с другими мусульманами она была шокирована, когда бородатые мужчины — для нее борода является признаком консервативных взглядов — протягивали ей руку для рукопожатия. Или когда в Facebook женщины в хиджабах вдруг начинали отстаивать однополые браки. Подсознательно она полагала, что женщины, которые, как и она, носят хиджабы, должны придерживаться убеждения, что гомосексуальность — это грех. Вместо этого, по ее словам, некоторые говорят: «Не думаю, что здесь есть какие-то проблемы. Думаю, такие браки нужно легализовать».

Она также обнаружила, что некоторые женщины, которые не покрывают волосы платком, так же религиозны и набожны, как и она сама.

«Теперь,— говорит она,— я не считаю хиджаб лакмусовой бумажкой». Однако многие религиозные мусульманские мужчины именно так его и воспринимает. В личных беседах некоторые из них признают, что они ожидают от женщины в хиджабе, что она будет испытывать неловкость, беседуя с мужчиной, не приходящимся ей родственником, поэтому они никогда сами не начинают разговор. Однако, по словам Фары Али (Farah Ali), сестры Сары, это порой так расстраивает, что иногда она задумывается над тем, чтобы снять хиджаб. Будучи профессором испанского языка в университете Мемфиса, она считает, что это, возможно, сделает ее более доступной для общения — но разве в этом случае ей не станет труднее привлечь внимание правоверного мусульманина?

И не будет ли она испытывать чувство вины? Не так давно она ходила на лекцию одного известного исламского ученого. В ответе на один из вопросов он сказал, что нет ничего плохого в том, что женщина ездит одна, если она ездит на работу. Однако «он также добавил, что женщинам, вероятнее всего, лучше избегать подобного рода работы,— добавляет Фара Али.— Мне стало больно». Она и ее сестра любят путешествовать вдвоем без родственников-мужчин, но они всегда останавливаются в домах друзей или родственников. «Получается, что я иду против своей религии?»

СТАВШИЕ ЗАМЕТНЫМИ ПОСЛЕ ТЕРАКТОВ 11 СЕНТЯБРЯ

В афроамериканских сообществах «мусульмане всегда считались хорошими людьми, семей-

ными людьми, которые молятся и соблюдают закон», как говорит Аиша Самад (Aisha Samad), мать владельца ресторана и председатель кливлендского отделения Совета по американо-исламским отношениям (Council on American-Islamic Relations). «Люди всегда вас уважали. Но после 11 сентября все стали относиться к нам как к врагам».

Прежде афроамериканские мусульмане и институты были направлены внутрь своих сообществ, борясь с расизмом и нищетой внутри их кварталов. Теперь, в ответ на волну массовых задержаний, афроамериканские мусульмане все чаще начинают высказываться от имени всех американских мусульман.

Подобный сдвиг произошел и в институтах, основанных членами иммигрантского сообщества. Чтобы сохранить свое культурное и лингвистическое наследие, многие из них намеренно сохраняют свою замкнутость.

«11 сентября стало тревожным звонком», — говорит уроженец Ирана Бахар Бастани (Bahar Bastani), глава мечети Dar-al-Zahra в пригороде Сент-Луиса и профессор медицины в университете Сент-Луиса. Терракты «Аль-Каиды» многих убедили в необходимости «быть открытыми перед обществом в целом, быть заметными, уделять больше времени общественным работам и принимать более активное участие в межрелигиозных дискуссиях», — говорит он, потому что в случае с меньшинствами, если случается что-то плохое и люди плохо вас знают, вы станете первыми, на кого повесят ярлык «чужака».

Мечети начали проводить различные общественные кампании, и такие группы, как Исламское общество Северной Америки, занялись информационно-разъяснительной работой. В Сент-Луисе доктор Бастани и другие врачи-мусульмане связались с двумя протестантскими церквями в бедных, преимущественно афроамериканских кварталах. Вот уже пять лет они еженедельно организуют бесплатные клиники, в которых работают врачи из шиитских и суннитских мечетей. «Мы хотели тоже дать что-то этому обществу», — объясняет Бастани.

Многие ученые считают, что американские мусульмане со временем смогут интегрироваться в американское общество, подобно другим религиозным меньшинствам до них. Но некоторые, такие как Дженнан Газал Рид (Jennan Ghazal Read), помощник профессора социологии и охраны здоровья в университете Дьюка в Дареме, с ними не согласны. Она провела масштабное исследование американского мусульманского сообщества и сделала вывод, что 11 сентября и последовавшая за ним война против исламского экстремизма существенно усложнили жизнь мусульман в США.

«Чужой ту или иную группу всегда делают исторические события», — говорит она. Однако эти события проходят. Сегодня исламский экстремизм приобрел масштабы всемирной угрозы, и такие факторы, как, к примеру, сериал «Чужой среди своих», продолжают подпитывать негативные стереотипы.

По словам г-жи Мир, «когда люди мыслят стереотипами, они начинают ощущать разделение между „американским“ и „мусульманским“».

К стереотипам здесь относятся кровная месть — которая имеет скорее культурные, чем религиозные корни — забивание камнями и наказания ударами плетей. В большинстве мусульманских стран сегодня эти жестокие виды наказания не практикуются, и американские мусульмане их тоже не поддерживают.

ЗА ДВЕРЯМИ МЕЧЕТЕЙ: НОВОЕ ИСЛАМСКОЕ «ТРЕТЬЕ ПРОСТРАНСТВО»

Зия Махдом (Zia Makhdom), имам, который до прошлого года возглавлял молодежную группу в одной из мечетей Виргинии, говорит о том, что его беспокоит «ультраконсерватизм некоторых мусульман в Америке, которые имеют довольно узкое понимание ислама в совокупности со специфическим культурным багажом», несовместимым с жизнью в США.

Подобно многим другим, он боится, что последующая маргинализация может сделать некоторых молодых людей подверженными влиянию риторики экстремистских лидеров. По мнению г-жи Рид, настоящая угроза скрывается не в американских мечетях. Она скрывается на просторах интернета, которые чрезвычайно трудно контролировать.

По мнению г-жи Рид, 2100 с небольшим американских мечетей (с 2000 года их число выросло на 74%, по данным Совета по американо-исламским отношениям) могут стать инструментом интеграции мусульман, подобно другим религиозным институтам, которые когда-то «помогли иммигрантским сообществам адаптироваться к жизни на новой земле».

В то время как некоторые мечети целенаправленно работают в этом направлении, многие мусульмане моложе 40 лет считают их всего лишь местами, где принято проводить обряды бракосочетания и удобно молиться. Когда речь заходит о приемлемых способах соединить их мусульманскую и американскую идентичности, люди зачастую не считают мнение глав мечетей сколь угодно значимым, а многие женщины начинают

терять самообладание, когда их просят молиться за специальной перегородкой или стеной.

Эти вопросы вызывают довольно оживленные дискуссии в прессе, блогах и на ток-шоу, не говоря уже о горячих спорах в социальных сетях. Ни один предмет не остается незатронутым, от моды, рациона питания и образования до политики мечетей, гендерного равенства, домашнего насилия, взглядов на скромность и полигинию (случаи которой встречаются довольно редко и преимущественно в афроамериканском сообществе). Когда мусульманские хипстеры записали видеоролик, в котором модели в хиджабах катаются на скейтбордах и дефилируют под саундтрек Джей-Зи «Somewhere in America», его прокомментировали и те, кто за, и те, кто против такого поведения.

Изменения происходят и на более формальном уровне. Сегодня постепенно увеличивается число исламских общественных центров, молодежных программ при мечетях и того, что многие называют «третьим пространством», то есть альтернативных форумов, вроде MakeSpace в Александрии.

Созданный всего год назад MakeSpace делает акцент на открытости, диалоге и поиске способов «вернуть единство в сообщество», как говорится на его сайте. Пятничные молитвы проходят в банкетном зале местного ресторана, а дискуссии на религиозные темы — в снятом офисном помещении. Имам Зия часто ведет службу, а его жена Фатима Попал (Fatimah Popal) проводит женские дискуссии — в прошлую пятницу на дискуссии присутствовали 45 женщин. Они сидят на стульях, диване и даже на полу. Двое близнецов в это время делают домашние задания, а пухлый карапуз бегает по помещению. Этим женщинам в основном немногим за 20 или за 30, и сейчас они учатся в колледже или уже работают. Их головные уборы варьируются от плотных хиджабов до свободно спадающих платков, некоторые из которых однотонные, а некоторые украшены цветочным рисунком. Несколько женщин вообще не надевают платки.

В своем приветствии г-жа Попал повторяет главное правило MakeSpace: не судите. «Когда кто-то рассказывает свою историю, не судите его, а если вы его осуждаете — держите это при себе. И со временем, даст бог, вы сможете оценить и свою собственную жизнь».

Тема вечернего собрания — молитва, и после того как выступающий заканчивает говорить, начинаются вопросы и комментарии. «Молитва подобна клетчатке, — в какой-то момент говорит Попал. —

Она дает вам ощущение сытости». Когда кто-то признается в том, что чувствует вину за несоблюдение правила о молитве пять раз в день, Попал снова берет слово: «Просто помните, что ислам — это не та вера, которая требует от нас „всего или ничего“. Ведь если вы не справляетесь с математикой, разве вам не стоит попробовать упорнее заниматься общественными дисциплинами? Я не ношу хиджаб, я вчера выпила в баре, у меня есть парень, — она пожимает плечами и улыбается. — Возможно, мы в чем-то слабы. Но не значит ли это, чтобы мы должны пробовать быть сильнее в чем-то другом?»

Затем женщины обмениваются советами — советами о том, как оставаться сосредоточенными и молиться пять раз в течение рабочего дня — и время от времени вспыхивают мелкие споры.

Одна женщина призналась, что она чувствует, что люди в мечети ее осуждают, потому что она одета не так, как остальные. «Или потому что вам 30 и вы еще не замужем», — добавляет другая. Между тем, за пределами мечети они часто ощущают себя анахронизмами. «Когда другие мусульмане спрашивают нас, зачем мы молимся или зачем мы носим платок, это очень удручает, — говорит экономист Али, для которой это собрание стало первым. — У меня и без того достаточно проблем с немусульманами».

Одна из задач MakeSpace заключается в том, чтобы переступить через незначительные детали этикета и отвлечься от отличий между различными течениями, чтобы помочь американцам стать хорошими мусульманами. Это во многом перекликается с подходом Исламского центра Южной Калифорнии, который считается одной из самых прогрессивных мечетей в США.

«Ислам, которому мы учим, это религия на все времена, — говорит имам Зия. — Если вы живете в абсолютной изоляции от общества, это противоречит утверждению о том, что ислам хорош во все времена и любом месте».

Азхар и многие его сверстники предпочитают не думать в терминах ассимиляции, которая подразумевает отказ от своей первоначальной идентичности. Вместо этого, по его словам, он и другие американские мусульмане пытаются найти способы «комфортно чувствовать себя и ощущать себя частью социальной ткани США». Они делают это с некоторым «американским уклоном», как говорит Самад. «Поскольку мы выросли в Америке, — добавляет он, — мы знаем, что должны показывать, кто мы такие».